

УДК 327.8

*Синенко И.Ю.
Sinenko I.Y.*

Тихоокеанское измерение российско-американских отношений в контексте кризиса двустороннего диалога

**Pacific dimension of the Russian-American relations
in a context of the bilateral dialogue crisis**

В российско-американских отношениях доминирующее положение занимают вопросы глобальной и европейской безопасности и геополитики. В то же время тихоокеанское направление двусторонних отношений развито крайне слабо. Обозначив в качестве важных приоритетов своей внешней политики концепции «разворота» в АТР, обе страны неминуемо столкнутся с необходимостью наполнить эту повестку содержанием. Автор стремится ответить на вопрос, каким может быть это содержание, анализируя текущие геополитические противоречия и стратегические установки обоих государств в регионе, с учётом их противоречий на глобальном уровне.

Ключевые слова: *Азиатско-Тихоокеанский регион, российский «поворот на Восток», американский «разворот» в Азию, региональная безопасность, российский Дальний Восток*

The dominant position in Russian-American relations is occupied by issues of global and European security and geopolitics. At the same time, the Pacific dimension of bilateral relations is developed very poorly. Declaring as high priorities of their foreign policies the concept of «pivot» to Asia-Pacific, both countries will inevitably deal with the need to draw up the agenda. The author seeks to predict its content by analyzing current geopolitical contradictions and strategies of the two states in the region, while taking into account their contradictions at the global level.

Key words: *Asia-Pacific, «Eastern pivot», «Pivot» to Asia, strategic partnership, regional security, Russian Far East*

Российско-американские отношения на современном этапе переживают серьёзный кризис. Принципиальное расхождение позиций по широкому кругу международных вопросов – сначала по внутренним событиям на Украине зимой 2014 г., затем по всему спектру развития гражданского конфликта (включая присоединение Республики Крым к Российской Федерации), и, наконец, по урегулированию внутри Сирии и методам борьбы с Исламским Государством (запрещено в России) – привели к «санкционной войне», ожесточённому противостоянию в дипломатической и особенно в информационной среде, включая регулярный обмен провокационными заявлениями официальных лиц, и, в итоге, к почти полному сворачиванию двусторонних политических и экономических отношений.

СИНЕНКО Илья Юрьевич, аспирант, ассистент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** sinenko03@mail.ru

В этих условиях отношения Москвы и Вашингтона достигли нижней точки за весь период после окончания холодной войны [27]. При этом столь заметное ухудшение отношений (в понимании их как контактов на разных уровнях и в разных сферах) отнюдь не означает снижения внимания друг к другу, уделяемого обоими государствами, а также важности правильной оценки действий своего соперника. Несмотря на существенный рост новых центров влияния в мировой системе, РФ и США остаются ведущими игроками по целому ряду показателей, что обуславливает их возможность влиять на развитие ситуации не только в глобальном масштабе, но и во многих регионах и отдельных странах.

Таким образом, даже не имея под собой развитой институциональной основы, двусторонние отношения таких влиятельных государств, как Россия и США, способны существовать в незримой форме, и при этом оказывать косвенное, но существенное влияние на проведение внешней политики каждого из субъектов по отношению к тому или иному региону или стране. К числу примеров, демонстрирующих подобную модель, в современных условиях вполне может быть отнесён и Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР).

Тихоокеанское измерение в глобальной российско-американской повестке

Российско-американские отношения, как принято считать, во многом продолжают воспроизводить модель, заложенную ещё в годы холодной войны, когда на одной из сторон находился СССР. Эта модель направлена на диалог преимущественно в сфере глобальной безопасности и контроля над вооружениями. Основным его содержанием остаются вопросы сокращения стратегических наступательных вооружений и ядерного арсенала в целом, сохранение режима стратегической стабильности (значительно подорванное после выхода США из договора по ПРО 1972 г.), контроль за ликвидацией определённых типов вооружений и их запрет (в частности, химического оружия), а также вопросы нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и борьбы с терроризмом.

Что касается региональной проблематики, то, несмотря на отмеченные выше возможности и ресурсы влиять на политический расклад в разных точках земного шара, эта повестка в российско-американских отношениях по-прежнему ограничена традиционными со времён холодной войны регионами (Европа, особенно её восточная часть, Ближний Восток, отдельные страны Латинской Америки, Индия, КНДР и т.д.), к которым после 1991 г. добавились новые независимые государства на постсоветском пространстве. Такая ограниченность региональной повестки объясняется взаимным «интересом для диалога», поскольку реальная база для проецирования влияния у современной России, во многом основанная на «советском наследии», ограничена именно этими регионами и государствами (в то время как у США подобные возможности в той или иной степени имеются практически во всех странах мира). В этой связи неудивительно, что АТР, будучи регионом, где экономические вопросы по-прежнему преобладают над вопросами безопасности, а угрозы безопасности во многом исходят не от традиционных государственных акторов, не занимает в двусторонних отношениях России и США существенного места.

Даже в годы наиболее острого соперничества СССР и США, на пике геополитического влияния мирового социалистического лагеря, тихоокеанское направление внешней политики Москвы существенно уступало по размаху другим региональным векторам. Вовлечённость в гражданскую войну в Китае, Корейскую войну и вьетнамский вопрос

носила локальный характер, в то время как единой стратегии по отношению к АТР СССР не предлагал, и, после разрыва в конце 1960-х гг. с КНР, судя по всему, не нуждался в ней. Неудивительно, что на пике интенсивности советско-американских контактов в конце 1980-х – начале 1990-х гг., даже при появлении такого уникального для отношений двух стран формата, как Регулярный диалог по региональным проблемам на уровне экспертов МИД СССР и Государственного департамента США, в его рамках ставились вопросы по Латинской Америке, Африке, Ближнему и Среднему Востоку, но не по АТР [1, с. 26].

Противоречивость, свойственная внешнеполитическому курсу России в 1990-х гг., проявилась и на тихоокеанском треке, где, с одной стороны, Москва присоединилась ко многим значимым региональным переговорным институтам и организациям, а с другой – не предпринимала серьёзных практических шагов для интеграции в АТР. Известно, что Вашингтон поддерживал стремление Москвы подключиться к региональным процессам и в частности оказал России помощь во вступлении в АТЭС, повлияв на жёсткую позицию по данному вопросу своих близких союзниц – Австралии и Новой Зеландии [11, с. 36]. Но всё же до статуса ценного, как само по себе, тихоокеанское измерение российско-американских отношений не могло бы дорасти до тех пор, пока Россия не обозначила бы чётко вектор своей политики в регионе. Надежды на это появились, начиная с конца 2006 г., когда после принятия решения о проведении саммита АТЭС в 2012 г. и заявлений о приоритетности задачи развития Дальневосточного федерального округа (ДФО) через наращивание приграничного сотрудничества со странами АТР стали проглядываться признаки формирующейся стратегии российского вхождения в регион.

После того, как в 2014 г. эскалация конфликта внутри Украины привела к существенному ухудшению отношений Москвы на европейском направлении, переориентация на азиатские страны (прежде всего, КНР) приобрела более конкретные очертания, получившие в СМИ клише «поворота на Восток». Однако с учётом того, что этот поворот был усилен антироссийскими действиями США на европейском направлении, очевидно, что в рамках реализации новой стратегии в АТР Россия рассматривает Вашингтон лишь как сдерживающий фактор, не позволяющий сформировать позитивную тихоокеанскую повестку двусторонних связей. Таким образом, глобальное измерение российско-американских отношений диктует тихоокеанскому исключительно логику соперничества – в той степени, которая понадобится каждой из сторон для защиты своих стратегических интересов в АТР.

Россия в логике американского «разворота в Азию»

Безусловным императивом внешней политики США после окончания холодной войны стало сохранение полученного по её окончании статуса единственной сверхдержавы с уникальными возможностями выстраивать архитектуру мировой системы, исходя исключительно из собственных национальных интересов [31, с. 16]. Реализация этой логики требовала на разных этапах большего акцента на определённый регион – Восточная Европа в 1990-х, Ближний и Средний Восток в 2000-х. В период президентства Барака Обамы существенный экономический рост КНР, начавший угрожать доминирующему положению США в мировой экономике, заставил Вашингтон сделать попытку перенести главный фокус своей внешней политики на Восточную Азию (ВА).

В 2011 г. было заявлено о начале стратегического «разворота» (ориг. англ. «pivot») США в Азию, под которой понималась преимущественно ВА. В программной статье государственного секретаря Хиллари

Клинтон «Тихоокеанский век Америки» выдвигались шесть ключевых принципов этого курса: укрепление отношений с уже имеющимися союзниками США в регионе, усиление взаимодействия с новыми региональными игроками (в их числе Индия, Индонезия, Вьетнам, Сингапур), широкое вовлечение США в деятельность региональных многосторонних институтов, наращивание торгово-инвестиционного сотрудничества со странами региона, расширение военного присутствия США в АТР и продвижение идей демократии и прав человека [25].

Несмотря на то, что руководство США неоднократно указывало на ненаправленность новой региональной политики против конкретной страны или группы государств, изначально многие эксперты сошлись во мнении, что главной задачей «разворота» стало всестороннее сдерживание роста китайского влияния на Тихом океане. Американский истеблишмент по-прежнему придерживается убеждения, что основой лидерства США в АТР является их система военно-политических альянсов (т.н. система «оси и спиц», ориг. англ. Hub-and-Spoke), позволяющая сохранять стабильность в регионе и, прежде всего, свободу действий на морском пространстве, а значит и возможность проецировать необходимую силу [26, с. 32]. В ходе случившегося в дальнейшем обострения конфликтов вокруг островов Сенкаку/Дяоюйдао и особенно в Южно-Китайском море для Вашингтона стала очевидной возможность потерять эту свободу действий, при том что единственным претендентом на пересмотр регионального статус-кво являлся Китай, значительно ужесточивший политику в отношении территориальных споров.

Отсутствие у Москвы, в отличие от Пекина, как возможностей, так и амбиций по перекройке региональной архитектуры, привело к тому, что реализуя (с оглядкой на КНР) свой «разворот» в АТР, США не обращают существенного внимания на российский [3, с. 42–43]. Россия ни разу не фигурировала в программных выступлениях и документах, посвящённых американской политике в регионе, начиная с 2012 г. Собственно, и в «большой» оборонной стратегии США 2012 г. РФ упоминается только в контексте Европы и обеспечения неограниченного доступа к неким «зонам глобальной значимости», под которыми понимается, скорее всего, Арктика, но не АТР [32]. Что касается докладов, готовящихся для государственных органов США экспертно-аналитическими центрами, находящихся в режиме общей доступности, то в них Россия, если и фигурирует, то в качестве страны, воспринявшей «разворот» США в Азию как своего рода карт-бланш к нарушению статус-кво в других регионах (в частности в Европе, когда речь идёт о ситуации на Украине) [29, с. 21].

Игнорируется сотрудничество с Россией в рамках крупных военно-морских манёвров RIMPAC, организуемых Тихоокеанским командованием военно-морских сил (ВМС) США раз в два года с целью повышения потенциала оперативного взаимодействия между ВМС стран АТР для обеспечения безопасности на море. После дебютного участия в манёврах 2012 г. Тихоокеанского флота РФ, в 2014 и 2016 гг. Россию не приглашали (по официальной версии – вследствие общей приостановки сотрудничества в военной сфере из-за ситуации на Украине). При этом любопытно, что и в 2014, и в 2016 г. активное участие в манёврах приняла КНР, чему не воспрепятствовали ни обострение конфликта в Южно-Китайском море, ни подобное же законодательное ограничение в США на взаимодействие с Народно-освободительной армией Китая.

Не поступило России и предложения присоединиться к Транстихоокеанскому партнёрству (ТТП) – главному экономическому проекту США в рамках их нового курса в АТР. Принимая во внимание, что Вашингтон делает ставку именно на экономические инструменты принуждения России к более удобному для себя курсу в глобальном масштабе,

а также по-прежнему незначительное торговое присутствие самой РФ в АТР, приглашения вступить в ТТП Москве не стоит ждать и в обозримой перспективе.

Китай: миссия (не) выполнима?

Как было отмечено выше, финальной точкой реализации одной из ключевых идей американского «разворота» в Азию – более глубокого союзничества с рядом восточноазиатских стран – должно было стать фактическое окружение Китая сплошной цепью государств, верных стратегическим целям США в АТР. Такая цепь давала бы Вашингтону возможность при необходимости реализовать в отношении Пекина сценарий любой степени жёсткости, вплоть до brutального «удушения» по известному в геополитике принципу анаконды. С другой стороны, параллельные попытки администрации Обамы развить американско-китайское партнёрство в формате «большой двойки» (т.н. Chimerica) должны были плотнее привязать Китай к США экономически. Подобная комбинация в случае успешной реализации неминуемо лишила бы КНР со временем возможностей для продолжения быстрого роста, а, следовательно, и способности бросить глобальный вызов США, что прекрасно осознавали по обе стороны Тихого океана.

В этой связи именно Россия, следуя геополитической логике, превратилась в ключевое звено данного американского проекта. По большому счёту, главный интерес по отношению к России в АТР у США очевиден – не дать российско-китайскому партнёрству перерасти в полноценный стратегический союз. Ведь в таком случае обозначенная выше в отношении КНР стратегия «безальтернативности» (кроме сотрудничества с Америкой) теряет значительную часть своего потенциала. При формировании полноценного стратегического альянса Пекин, помимо опоры на природные ресурсы и «благожелательный нейтралитет» Москвы в отношении своих внешнеполитических действий, может получить возможность в будущем объединить политические усилия двух стран для пересмотра конфигурации сил в регионе, предложить России более активное участие в своих экономических проектах в АТР [19, с. 9–10], а также в определённой степени опереться на военный потенциал России, которая, по мнению американских аналитиков, заинтересована в том, чтобы Китай продолжил морскую наступательную политику на Тихом океане и отвлёкся от притязаний на территории самого российского Дальнего Востока (РДВ) [30].

Несомненно, что перспектива создания российско-китайского союза или даже значительное углубление нынешнего стратегического партнёрства, вызовут обеспокоенность американских союзников в регионе, которые потребуют от Вашингтона дополнительных гарантий безопасности (в т.ч. материальных). Учитывая общий тренд на снижение оборонных расходов, даже в условиях «разворота» в Азию, едва ли такой расклад будет соответствовать стратегическим интересам США [9, с. 6–7].

«Китаецентризм» в тихоокеанской политике России (особенно с началом украинского кризиса и «поворотом на Восток») подвергается критике многими в самой РФ. Самый очевидный минус – это возможность со временем оказаться в маргинализованном положении в регионе, где с одной стороны будет сформировано большое сообщество американоориентированных государств АТР, а с другой – формально дружественная КНР, которая будет дозировать участие России в сформированных Пекином интеграционных группировках, продолжая решать задачу по построению пояса ориентированных на Пекин стран, причём уже не столько в ВА, а на постсоветском пространстве [3, с. 36–37]. Именно этот

аргумент Вашингтон пытается прямо или косвенно использовать, чтобы снизить темпы углубления российско-китайского сотрудничества. Однако стратегически ситуация пока развивается не в пользу американского тезиса: развитие проекта ТТП на данный момент идёт не столь быстрыми темпами, как ожидалось, а его будущее при новой администрации США после выборов 2016 г. выглядит туманным [28]. При этом идея США совместно противостоять ревизионистским устремлениям Китая и сохранению статус-кво в АТР не может устраивать Россию, если этот статус-кво продолжит базироваться на американской системе «оси и спиц» – конфронтационной по определению.

Борьба на невидимых фронтах

Вторым важным посылом американской политики в АТР в отношении России является стремление не дать ей, в условиях нового глобального соперничества между двумя странами, возможности наладить существенным образом отношения со стратегически важными государствами региона, прежде всего американскими союзниками. Несмотря на пока ещё незначительное участие России в протекающих в АТР процессах, несомненно, что «запрос на Москву» есть не только у КНР. Для многих государств в регионе очевидны выгоды, которые они могли бы получить от сотрудничества с Россией. К их числу относятся поставки энергоносителей, сотрудничество в освоении РДВ, а также закупки продукции по линии российского военно-промышленного комплекса [17, с. 140]. В каком-то смысле есть запрос на Россию и как на «арбитра», нейтральную сторону в острых региональных спорах – прежде всего, в урегулировании вопроса северокорейской ядерной программы и территориального конфликта в Южно-Китайском море.

До определённого момента США были готовы допускать ограниченное сотрудничество России со своими союзницами – прежде всего Японией и Республикой Корея (РК), которое, с одной стороны, не размывало бы американоцентричный характер их внешних связей, а с другой – не позволяло бы России стать полностью зависимой от Китая. Вашингтон сдержаннее, чем можно было ожидать, отреагировал на планы расширения закупок Японией российских энергоносителей, а также на проект сооружения прямого энергомоста с о. Сахалин после «великого землетрясения» 2011 г. С пониманием были встречены и идеи широкого включения России в южнокорейскую Евразийскую инициативу – через активизацию транскорейских проектов, выгодных для развития РДВ. В Вашингтоне надеялись, что Москва будет активнее использовать свои возможности влияния на КНДР по сдерживанию модернизации (или даже свёртывания) её ядерной программы, особенно на фоне неспособности возобновить в той или иной форме многосторонний диалог по этой проблеме, подобный существовавшим ранее Шестисторонним переговорам.

Однако после конфликта на Украине в подходах к этим вопросам произошли кардинальные изменения. Присоединение Крыма к России было воспринято Вашингтоном как попытка пересмотра принципов глобального мироустройства под американским лидерством [5, с. 73, 75]. Именно поэтому ответ на российскую политику должен был иметь обязательно глобальный (а не чисто европейский) характер. В этих условиях присоединение к режиму антироссийских ограничительных мер максимального количества государств, особенно из числа союзников, стало для Америки важнейшим имиджевым фактором. На Японию и РК в этой связи со стороны Вашингтона было оказано мощное давление.

При этом Япония, рассматривающая союз с США как краеугольный камень обеспечения своей безопасности, не слишком противилась

введению санкций, правда, используя для этого наименее чувствительные пункты двустороннего сотрудничества с Москвой (освоение космоса, экспорт оружия, смягчение визового режима) [24]. Вместе с тем, очевидное стремление премьера С. Абэ к налаживанию рабочего контакта с Москвой для прогресса в переговорах по территориальной проблеме негативно воспринимается американским руководством. В частности, Б. Обама призывал Абэ воздержаться от визита в Сочи в мае 2016 г., а вице-президент США Д. Байден высказывал недовольство подтверждённым визитом Путина в Японию в конце 2016 г. Однако, по признанию окружения премьер-министра Абэ, время для активизации Токио в отношении России, проявившейся в японских предложениях по сотрудничеству на Восточном Экономическом Форуме-2016 во Владивостоке, было выбрано специально [15]. Предвыборная кампания в США серьёзно отвлекает Вашингтон от решения таких локальных внешнеполитических задач, как давление на союзников, к тому же именно японские компании – крупнейшие работодатели в «спорных» штатах, где идёт напряжённая борьба за голоса избирателей.

В то же время РК, несмотря на серьёзный уровень американского давления, неофициально признававшийся корейскими дипломатами, в итоге «отделалась» публичным непризнанием итогов крымского референдума, продолжив, по выражению корейских предпринимателей, «гонку с Китаем за Дальний Восток» [23]. Впрочем, некоторые российские эксперты склонны считать, что без неофициального одобрения Вашингтона не обошлось, а вызвано это согласие было желанием «не отключать» Россию от переговоров по проблеме Корейского полуострова [22, с. 21]. Тем не менее сама ситуация с давлением на Токио и Сеул по поводу введения санкций способствовала ещё большему укреплению отношений Пекина и Москвы, т.е. не только не помогла изоляции России, но и подтолкнула её к стратегически самому невыгодному для США шагу.

Серьёзным раздражителем в отношениях России с азиатскими странами выступает американская политика по созданию глобальной системы противоракетной обороны (ПРО), тихоокеанский сегмент которой по планам будет являться её существенной составной частью [20, с. 96–99]. Хотя официально заявлено, что элементы ПРО в Японии и РК не имеют цели изменения баланса ракетно-ядерного сдерживания в отношении России и Китая, а направлены исключительно на сдерживание непредсказуемой КНДР, в дальнейшем эта система будет способна противодействовать ракетам значительно большей дальности – независимо от страны, откуда произведён запуск [14, с. 166]. В этих условиях и КНР, и Россия не могут не рассматривать развёртывание подобных систем как угрозу своим долгосрочным интересам. Бурные дискуссии относительно развёртывания в РК (после очередных ядерных испытаний в Северной Корее) зенитно-ракетных комплексов THAAD ещё больше усиливают негативный фон в отношениях Пекина и Москвы с Сеулом.

На линии соприкосновения: взгляды через океан

Ну и, наконец, последняя из локаций по порядку, но не по значению – это внутренние административно-территориальные единицы России и США, находящиеся на тихоокеанском побережье и ориентированные на АТР (субъекты ДВФО РФ и тихоокеанские штаты США соответственно). Ключевым драйвером развития американских проектов на РДВ является Генеральное консульство США во Владивостоке. Эта роль была уготована ему изначально ещё во второй половине 1992 г., когда генконсульство возобновило работу после длительного перерыва, связанного с закрытым статусом г. Владивостока в советские годы. Дипло-

матическая миссия США в России была довольно ограничена в выборе своих консульских «точек» (на данный момент, не считая консульского отдела посольства, их всего три – в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и Владивостоке). В этой связи, очевидно, что центр Приморья был выбран с учётом специфики его географического положения, позволяющего даже не столько эффективно охватить пространство РДВ, сколько расположиться в самом «сердце» российского плацдарма для выхода в АТР и держать под наблюдением процесс интеграции Москвы в регион. Это обстоятельство в определённой степени объясняет как целеполагание в политике Вашингтона по отношению к РДВ, так и причины неудач в её практической реализации за постсоветский период.

Консульский округ Генконсульства США во Владивостоке очерчен рамками ДВФО и включает в себя те же 9 субъектов РФ [13]. При этом репрезентативность и активность деятельности американского учреждения достаточно низка, чему способствует ряд факторов, главный из которых – общий негативный фон двусторонних отношений. Формируемая медийной российской средой репутация американской дипломатии как дестабилизатора внутренней ситуации в иностранных государствах, несёт для лиц и учреждений, ведущих прямой диалог с Генконсульством, существенные политические риски. Таким образом, перечень мероприятий с американским участием на РДВ ограничивается гуманитарными неполитизированными проектами – школами английского языка для детей, визитами известных музыкантов, спортсменов и т.п. [2] В то же время к своему протокольному минимуму сведено сотрудничество с государственными российскими учреждениями.

Вместе с тем, в последние годы изменилось отношение Государственного департамента к дипломатии «на местах». Если предыдущий посол США в России Майкл Макфол (2012–2014) в ходе своей работы не раз подвергался критике за нежелание организовывать работу дальше пределов Москвы [7, с. 11], то его преемник Джон Теффт, напротив, решил сделать ставку на т.н. «региональную дипломатию». За два года работы нового посла количество и охват поездок по России значительно увеличились, в том числе на РДВ. Во Владивосток за последнее время совершили визиты: сам посол (сентябрь 2015 г.), его заместитель Линн Трейси (февраль 2016 г.) и руководитель политического отдела посольства Энтони Годфри (май 2016 г.). Рядом российских аналитиков череда этих визитов расценивалась, прежде всего, с точки зрения мониторинга внутривизитивной ситуации в регионе в преддверии выборов в Государственную Думу РФ VII созыва [18], поэтому об интересе дипломатии США непосредственно к Приморью как форпосту проведения российской политики в АТР можно будет говорить только при условии сохранения соответствующей активности и в последующие месяцы.

За последние два десятилетия существенно снизилась экономическая составляющая связей РДВ и США. Если в 1998–1999 гг. доля США в товарообороте с субъектами ДВФО достигала 18,5–21 % [8], то в 2016 г. (по состоянию на июль) – около 6 % [4]. Российско-Американское Тихоокеанское партнёрство (РАТОП) – механизм межрегионального делового сотрудничества между РДВ и Западным побережьем США, созданный в 1994 г. – сегодня также переживает не лучшие времена. Количество участников ежегодных встреч сократилось приблизительно втрое, а взаимные санкции существенно сузили повестку дня РАТОП.

Косвенным доказательством отсутствия запроса на политический и экономический диалог в АТР и желания лишь наблюдать за стратегическими действиями Москвы в регионе со стороны Вашингтона может служить выбор для владивостокской консульской «точки» впервые за долгое время специалиста «силового» профиля – назначенного в августе

2016 г. новым генеральным консулом США Майкла Кийса. Он специализируется на вопросах национальной безопасности, проходил обучение в военных учреждениях США и в т.ч. являлся резервистом Службы береговой охраны [16].

Представительство России на тихоокеанском побережье США также выражено слабо. Хотя из четырёх российских консульских пунктов в США два расположены в западной части страны (в Сан-Франциско и Сиэтле), сфера их ответственности включает в себя совокупно 18 штатов (из 50), с удалением крайних точек округов от консульств более чем на 3 тыс. км. [12] Несомненно, это обстоятельство значительно «размывает» внимание российских консульских работников от непосредственно тихоокеанской повестки двусторонних отношений. Кроме того, ещё больше ослабило двусторонние культурные и торговые контакты решение Госдепартамента в январе 2016 г. о ликвидации пяти почётных консульств РФ (возглавлявшихся американскими гражданами), в т.ч. в г. Сакраменто (Калифорния).

При этом материальным олицетворением богатой истории российско-американских отношений на Тихом океане, включающей в себя не только вопрос Аляски, можно считать расположенную в штате Калифорния крепость Форт-Росс – бывшее поселение российских торговых колонистов в Северной Америке в XIX в. Сегодня этот исторический комплекс принадлежит американской некоммерческой организации Fort Ross Conservancy, которая превратила его в главный центр притяжения совместных культурных проектов – на базе Форт-Росс ежегодно проводится несколько десятков мероприятий, отражающих тематику традиционной русской культуры. Примечательным с академической и политической точки зрения фактом является проведение ежегодной конференции «Диалог Форт-Росс». В её рамках обсуждается широкий круг вопросов, связанных с тихоокеанской повесткой российско-американских отношений – в политике, торговле, культуре [21, с. 125–126]. Сегодня аналогов этой диалоговой площадке по тихоокеанской проблематике на территории США не имеется. Вместе с тем, негативные тренды в отношениях привели к значительному снижению уровня российского представительства – если в 2014 г. Форум посетил лично посол России в США С. Кисляк, то в 2015 – специальный представитель Президента по международному культурному сотрудничеству М. Швыдкой (посольство РФ было представлено руководителем экономического отдела М. Калугиным). В 2016 г. же во главе российской стороны заявлены первый секретарь посольства О. Жиганов и генеральный консул в Сан-Франциско С. Петров.

Повестка Диалога в определённой степени характеризует общее американское понимание потенциала России в АТР. Так, в ходе Форума 2015 г. основной тон в заявленном заранее списке тем задавали «китайский» фактор, а именно возможность создания полноценного стратегического союза КНР-РФ и его возможная политика по отношению к США, а также уровень готовности России присоединиться к американской трактовке нетрадиционных угроз в АТР, связанных с терроризмом и транснациональной преступностью. Впрочем, в ходе самого обсуждения участники предсказуемо ушли от региональной проблематики в сторону анализа глобального положения двух держав, что может служить ещё одним косвенным подтверждением острого дефицита в позитивной региональной повестке [21, с. 127–128].

Тихоокеанское измерение российско-американских отношений, никогда не отличавшееся глубиной наполнения, и на сегодняшний день представляет собой «бледную тень» повестки диалога Москвы и Вашингтона.

тона на других региональных направлениях. При этом в условиях, когда обе страны в силу различных причин заявили о намерении «вернуться» к АТР и расширить вовлеченность в регион до максимального уровня, как никогда важно понимать логику поведения друг друга, чтобы как минимум не дополнить общую негативную составляющую ещё и тихоокеанским измерением.

Объективно, России в её нынешнем положении в АТР политика США не может нанести существенный урон, однако для успешной реализации стратегии «поворота на Восток» Москва заинтересована в недопущении становления в АТР единого центра силы, кто бы им ни был. Москву не устроят в этой роли ни США, ни КНР, поскольку в любом случае она окажется в маргинализированном положении, когда не останется вариантов, кроме как примкнуть к коалиции с соответствующим лидером (причём на изначально политически невыгодных условиях), либо остаться в регионе изгоем без внятных перспектив. Плюс российского положения в АТР – это изначально позиция «третьей силы», которая может ситуативно примыкать к одному из двух «тяжеловесов», но исключительно для поддержания баланса сил в регионе, тем самым способствуя сохранению в нём стабильности.

В нынешней ситуации российско-китайский союз объективно способствует уравниванию модернизирующейся системы проамериканских военно-политических альянсов и существенно сдерживает возможности реализации стратегии сдерживания Китая силами США и их союзников. Вместе с тем, усматривая вызов со стороны России на глобальном уровне, США активно предпринимают и в дальнейшем неизбежно продолжают предпринимать попытки по препятствованию усилению позиций Москвы в Восточной Азии, прежде всего за счёт «нажима» на своих союзников в регионе, выступающих для России наиболее подходящей альтернативой для диверсификации экономического сотрудничества в АТР во избежание «китаецентризма».

«Поворот на Восток», направленный на диверсификацию региональных экономических связей и развитие РДВ, возможен только в условиях продолжения устойчивого экономического роста в АТР и отсутствия серьёзных конфликтов. В этой связи американская концепция «фрагментации» единого азиатско-тихоокеанского пространства, апробируемая при реализации ТТП (основанного на членстве избранных) в пику другим интеграционным инициативам, включающим всех желающих (например, АТЭС), а также раздражающая по уровню развития уже существующие межгосударственные институты (АСЕАН), очевидно, будет сдерживать этот рост [10, с. 374]. России следует иметься у неё дипломатическими и политическими средствами противостоять такому размыванию единого пространства АТР. При этом важными союзниками России в этом процессе, помимо соседей по Северо-Восточной Азии, могут стать страны Юго-Восточной Азии, которым, как показал в частности «Диалог Шангри Ла» в июне 2016 г., Россия может предложить помощь в области безопасности: как в экспорте новых систем вооружений, так и имплементации своего опыта противодействия религиозному экстремизму [6], который по своей успешности пока превосходит американский.

Литература

1. Батюк В.И. Советско-американские и российско-американские двусторонние режимы (1945–2005 гг.). Автореф. дисс... д.и.н. М.: ИСКРАН, 2008. 40 с.
2. Блог Генерального консульства США во Владивостоке // Живой журнал, [Электронный ресурс]. URL: <http://vladconsulate.livejournal.com/> (дата обращения: 05.10.2016 г.).
3. Братерский М.В., Суслов Д.В. Возвращение США на Тихий океан // Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Сб. научных трудов / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. проблем. Отд. Зап. Европы и Америки. М., 2014. С. 8–44.
4. Внешняя торговля субъектов Российской Федерации ДФО // Дальневосточное таможенное управление, [Электронный ресурс]. URL: http://dvtu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=63&Itemid=282 (дата обращения: 10.10.2016 г.).
5. Войтоловский Ф.Г. Российско-американские отношения в контексте украинского кризиса: тенденции и перспективы // Пути к миру и безопасности. 2015. № 1 (48). С. 67–84.
6. Габуев А. Какую нишу ищет Россия на азиатском рынке безопасности // Московский Центр Карнеги, [Электронный ресурс]. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=63739> (дата обращения: 05.10.2016 г.).
7. Габуев А. Ярые советчики // Коммерсантъ-Власть. 2014. № 19. С. 11–15.
8. Гарусова Л.Н. Российско-американские региональные отношения на Дальнем Востоке: история и современность: монография / Л.Н. Гарусова. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2001 [Электронный ресурс]. URL: http://abc.vvsu.ru/books/m_gosamo/page0011.asp#_ftn843 (дата обращения: 05.10.2016 г.).
9. Губин А.В. Кризис американской военно-морской стратегии в Восточной Азии // Азиатско-тихоокеанский регион: Экономика, политика, право. 2014. № 3–4 (32). С. 25–33.
10. Киреева А.А. Стратегия США в Восточной Азии // Ситуационные анализы. Вып. 4: Америка в фокусе российских исследователей: история и современность / под ред. Т.А. Шаكلةиной. М.: МГИМО-Университет, 2014. С. 361–379.
11. Кистанов В.О. АТР на пороге XXI века: к тихоокеанскому сообществу «азиатским путём»? // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 1. С. 36.
12. Консульские учреждения Российской Федерации в США // Посольство Российской Федерации в США, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russianembassy.org/ru/page/консульские-учреждения-российской-федерации-в-сша> (дата обращения: 05.10.2016 г.).
13. Консульский округ // Генеральное консульство США во Владивостоке, [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.vladivostok.usconsulate.gov/consdistrict.html> (дата обращения: 05.10.2016 г.).
14. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Политика США по созданию систем противоракетной обороны в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 5 (338). С. 165–177.
15. Коростиков М. Япония начала многоходовую комбинацию // Газета Коммерсантъ. 2016. № 163. С. 4.
16. Новым генеральным консулом США во Владивостоке стал вожатый бойскаутов // PrimaMedia, [Электронный ресурс]. URL: <http://primamedia.ru/news/politics/26.08.2016/527048/novim-generalnim-konsulom-ssha-vo-vladivostoke-stal-vozhatiy-boyskautov.html> (дата обращения: 05.10.2016 г.).
17. Поворот на Восток: Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России / отв. ред. И.А. Макаров. М.: Международные отношения, 2016. 448 с.

18. Посол США ездит по России и «меряет температуру» // Антимайдан, [Электронный ресурс]. URL: <https://antimaidan.ru/article/2725> (дата обращения: 05.10.2016 г.).
19. Севастьянов С. Интеграционные проекты Китая в АТР и Евразии / С. Севастьянов // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 4, т. 60. С. 5–12.
20. Сидорин А.Н., Прищепов В.М., Агуленко В.П. Вооруженные силы США в XXI веке: Военно-теоретический труд. М.: Кучково поле, Военная книга, 2013. 800 с.
21. Синенко И.Ю. Возвращение к истокам российско-американских отношений: «Диалог Форт-Росс» // Известия Восточного института. 2016. № 1 (29). С. 124–128.
22. Толстокулаков И.А. Политика США в отношении Республики Корея: итоги и перспективы // Тихоокеанская политика США во втором десятилетии XXI века: материалы круглого стола от 12 ноября 2015 г. / под ред. В.Л. Ларина // У карты Тихого океана. Информационно-аналитический бюллетень, 2015. № 42 (240). С. 19–23.
23. Южная Корея испугалась китайской экспансии на Дальний Восток // Дейта.ру, [Электронный ресурс]. URL: <http://deita.ru/news/economy/09.06.2016/5131430-koreya-budet-borotsya-za-mesto-na-dalнем-vostoке/> (дата обращения: 05.10.2016 г.).
24. Япония намерена добиться понимания с Россией по вопросу Украины // РИА Новости, [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20140323/1000700014.html> (дата обращения: 05.10.2016 г.).
25. Clinton H. America's Pacific Century // Foreign Policy [Электронный ресурс]. URL: <http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/10/11/americas-pacific-century> (дата обращения: 05.10.2016 г.).
26. Cossa R.A. The United States and the Asia-Pacific Region: Security Strategy for the Obama Administration // CSIS. February 2009, [Электронный ресурс]. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/issuesinsights_v09n01.pdf (дата обращения: 05.10.2016 г.).
27. Kissinger G. Kissinger's Vision for U.S.-Russia Relations // The Wall Street Journal, [Электронный ресурс]. URL: <http://nationalinterest.org/feature/kissingers-vision-us-russia-relations-15111> (дата обращения: 05.10.2016 г.).
28. Lyons J. U.S. Faces Setback in Asia if TPP Trade Deal Doesn't Pass // The Wall Street Journal, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wsj.com/articles/u-s-faces-setback-in-asia-if-tpo-trade-deal-doesnt-pass-1471814373> (дата обращения: 05.10.2016 г.).
29. Report on US-Russia Relations // ISAB. December 2014. 54 p.
30. Schwartz P. Evolution of Sino-Russian Defense Cooperation since the Cold War // The ASAN Forum. June 2014, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theasanforum.org/evolution-of-sino-russian-defense-cooperation-since-the-cold-war/> (дата обращения: 05.10.2016 г.).
31. Shambaugh D. Assessing the US «Pivot» to Asia // Strategic Studies Quarterly. Vol. 7. Issue 2. Summer 2013. P 13–20.
32. Sustaining Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense // US Department of Defense. January 2012, [Электронный ресурс]. URL: http://archive.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf (дата обращения: 05.10.2016 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Batyuk V.I. Sovetsko-amerikanskije i rossijsko-amerikanskije dvustoronnie rezhimy (1945–2005 gg.). Avto-ref. diss... d.i.n. M.: ISKRAN, 2008. 40 s.
2. Blog General'nogo konsul'stva SSHA vo Vladivostoke // ZHivoj zhurnal, [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://vladconsulate.livejournal.com/> (data obrashheniya: 05.10.2016 g.).
3. Braterskij M.V., Suslov D.V. Vozvrashhenie SSHA na Tikhij okean // Politika SSHA v Aziatsko-Tikhookeanskom regione: Sb. nauchnykh trudov / RAN. INION. TSentr nauch.-inform. issled. global. i regional. problem. Otd. Zap. Evropy i Ameriki. M., 2014. S. 8–44.
4. Vneshnyaya trgovlya sub"ektov Rossijskoj Federatsii DFO // Dal'nevostochnoe tamozhennoe upravlenie, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://dvtu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=63&Itemid=282 (data obrashheniya: 10.10.2016 g.).
5. Vojtolovskij F.G. Rossijsko-amerikanskije otnosheniya v kontekste ukrainskogo krizisa: tendentsii i perspektivy // Puti k miru i bezopasnosti. 2015. № 1 (48). S. 67–84.
6. Gabuev A. Kakuyu nishu ishhet Rossiya na aziatskom rynke bezopasnosti // Moskovskij TSentr Karnegi, [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=63739> (data obrashheniya: 05.10.2016 g.).
7. Gabuev A. YArye sovetchiki // Kommersant"-Vlast". 2014. № 19. S. 11–15.
8. Garusova L.N. Rossijsko-amerikanskije regional'nye otnosheniya na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost': monografiya / L.N. Garusova. Vladivostok: Izd-vo VGUEHS, 2001 [EHlektronnyj resurs]. URL: http://abc.vvsu.ru/books/m_rosamo/page0011.asp#_ftn843 (data obrashheniya: 05.10.2016 g.).
9. Gubin A.V. Krizis amerikanskoj voenno-morskoj strategii v Vostochnoj Azii // Aziatsko-tikhookeanskij region: EHkonomika, politika, pravo. 2014. № 3–4 (32). S. 25–33.
10. Kireeva A.A. Strategiya SSHA v Vostochnoj Azii // Situatsionnye analizy. Vyp. 4: Amerika v fokuse rossijskikh issledovatelej: istoriya i sovremennost' / pod red. T.A. SHakleinoj. M.: MGIMO-Universitet, 2014. S. 361–379.
11. Kistanov V.O. ATR na poroge XXI veka: k tikhookeanskomu soobshhestvu «aziatskim putyom»? // Problemy Dal'nego Vostoka. 1998. № 1. S. 36.
12. Konsul'skie uchrezhdeniya Rossijskoj Federatsii v SSHA // Posol'stvo Rossijskoj Federatsii v SSHA, [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.russianembassy.org/ru/page/konsul'skie-uchrezhdeniya-rossijskoj-federatsii-v-ssha> (data obrashheniya: 05.10.2016 g.).
13. Konsul'skij okrug // General'noe konsul'stvo SSHA vo Vladivostoke, [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://russian.vladivostok.usconsulate.gov/consdistrict.html> (data obrashheniya: 05.10.2016 g.).
14. Konyshhev V.N., Sergunin A.A. Politika SSHA po sozdaniyu sistem protivoraketnoj oborony v Aziatsko-Tikhookeanskom regione // Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'. 2016. № 5 (338). S. 165–177.
15. Korostikov M. YAponiya nachala mnogokhodovuyu kombinatsiyu // Gazeta Kommersant". 2016. № 163. S. 4.
16. Novym general'nym konsulom SSHA vo Vladivostoke stal vozhatyj bojskautov // PrimaMedia, [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://primamedia.ru/news/politics/26.08.2016/527048/novim-generalnim-konsulom-ssha-vo-vladivostoke-stal-vozhatiy-bojskautov.html> (data obrashheniya: 05.10.2016 g.).
17. Povорот na Vostok: Razvitie Sibiri i Dal'nego Vostoka v usloviyakh usileniya aziatskogo vektora vneshnej politiki Rossii / otv. red. I.A. Makarov. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2016. 448 s.
18. Posol SSHA ezdit po Rossii i «meryaet temperaturu» // Antimajdan, [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://antimaidan.ru/article/2725> (data obrashheniya: 05.10.2016 g.).

19. Sevast'yanov S. Integratsionnye proekty Kitaya v ATR i Evrazii / S. Sevast'yanov // *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2016. № 4, t. 60. S. 5–12.
20. Sidorin A.N., Prishhepov V.M., Akulenko V.P. Vooruzhennye sily SSHA v XXI veke: Voенno-teoreticheskij trud. M.: Kuchkovo pole, Voennaya kniga, 2013. 800 s.
21. Sinenko I.YU. Vozvrashhenie k istokam rossijsko-amerikanskikh otnoshenij: «Dialog Fort-Ross» // *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 2016. № 1 (29). S. 124–128.
22. Tolstokulakov I.A. Politika SSHA v otnoshenii Respubliki Koreya: itogi i perspektivy // *Tikhookeanskaya politika SSHA vo vtorom desyatiletii XXI veke: materialy kruglogo stola ot 12 noyabrya 2015 g.* / pod red. V.L. Larina // *U karty Tikhogo okeana. Informatsionno-analiticheskij byulleten'*, 2015. № 42 (240). S. 19–23.
23. YUzhnaya Koreya ispagalas' kitajskoj ehkspansii na Dal'nij Vostok // *Dejta.ru*, [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://dejta.ru/news/economy/09.06.2016/5131430-koreya-budet-borotsya-za-mesto-na-dalnem-vostoke/> (data obrashheniya: 05.10.2016 g.).
24. YAponiya namerena dobit'sya ponimaniya s Rossiej po voprosu Ukrainy // *RIA Novosti*, [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://ria.ru/world/20140323/1000700014.html> (data obrashheniya: 05.10.2016 g.).
25. Clinton H. America's Pacific Century // *Foreign Policy* [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/10/11/americas-pacific-century> (data obrashheniya: 05.10.2016 g.).
26. Cossa R.A. The United States and the Asia-Pacific Region: Security Strategy for the Obama Administration // *CSIS*. February 2009, [EHlektronnyj resurs]. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/issuessights_v09n01.pdf (data obrashheniya: 05.10.2016 g.).
27. Kissinger G. Kissinger's Vision for U.S.-Russia Relations // *The Wall Street Journal*, [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://nationalinterest.org/feature/kissingers-vision-us-russia-relations-15111> (data obrashheniya: 05.10.2016 g.).
28. Lyons J. U.S. Faces Setback in Asia if TPP Trade Deal Doesn't Pass // *The Wall Street Journal*, [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.wsj.com/articles/u-s-faces-setback-in-asia-if-tpp-trade-deal-doesnt-pass-1471814373> (data obrashheniya: 05.10.2016 g.).
29. Report on US-Russia Relations // *ISAB*. December 2014. 54 p.
30. Schwartz P. Evolution of Sino-Russian Defense Cooperation since the Cold War // *The ASAN Forum*. June 2014, [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.theasanforum.org/evolution-of-sino-russian-defense-cooperation-since-the-cold-war/> (data obrashheniya: 05.10.2016 g.).
31. Shambaugh D. Assessing the US «Pivot» to Asia // *Strategic Studies Quarterly*. Vol. 7. Issue 2. Summer 2013. P 13–20.
32. Sustaining Global Leadership: Priorities for 21th Century Defense // *US Department of Defense*. January 2012, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://archive.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf (data obrashheniya: 05.10.2016 g.).